

ТЕОРИЯ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЙНЫ» И ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ Д. ГАЛУЛЫ И Р. ТРИНКЬЕ

© 2024

Малкин С.Г.¹, Лёзин А.И.²

¹Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

²(г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В представленной статье теория «революционной войны» и её влияние на вооружённые силы Франции в эпоху деколонизации после Второй мировой войны рассматриваются сквозь призму идейно-теоретического наследия двух наиболее известных представителей «французской школы» колониального антиповстанчества второй половины XX в. – Давида Галулы и Роже Тринкье. Разбираются расхождения и сходства теории «революционной войны» и основных положений военно-теоретических работ Д. Галулы и Р. Тринкье в контексте становления и последовавшего вскоре отказа от нее в среде французского военного класса в 1950-е–60-е гг. В этой связи в работе затрагивается не только специфика восприятия офицерами колониальной службы в данный исторический период событий на зависимых территориях и в метрополии, но и их корреляция с представлениями Д. Галулы и Р. Тринкье в рамках контрпартизанской борьбы. Особое внимание уделено характерным особенностям исследовательской оптики рассмотрения ими действий французской армии в Индокитае (1946–1954 гг.) и Алжире (1954–1962 гг.), включая представления о допустимых пределах применения силы и роли армии и гражданских служб в обеспечении колониального порядка, в контексте теории «революционной войны».

Ключевые слова: Индокитай; Алжир; «революционная война»; Роже Тринкье; Давид Галула.

«REVOLUTIONARY WARFARE» THEORY AND THE LEGACY OF D. GALULA' AND R. TRINQUER' IDEAS

© 2024

Malkin S.G.¹, Lezin A.I.²

¹Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

²(Samara, Russian Federation)

Abstract. In the presented article, the «revolutionary warfare» theory and its impact on the armed forces of France in the era of decolonization after World War II are viewed through the prism of the ideological and theoretical legacies of the two most famous representatives of the «French school» of colonial counterinsurgency of the second half of the XXth century – David Galula and Roger Trinquer. The discrepancies and similarities of the «revolutionary warfare» theory and the main provisions of the military-theoretical works of D. Galula and R. Trinquer are sorted out in the context of the formation and the subsequent abandonment of it among the French military class in the 1950s and 60s. In this regard, the work touches upon not only the specifics of the perception by officers of the colonial service in this historical period of events in the dependent territories and in the metropolis, but also their correlation with the ideas of D. Galula and R. Trinquer in the framework of the counterinsurgency. Particular attention is paid to the characteristic features of the research optics of their consideration of the actions of the French army in Indochina (1946–1954) and Algeria (1954–1962), including ideas about the permissible limits of the use of force and the role of the army and civil services in ensuring the colonial order, in the context of the «revolutionary warfare» theory.

Keywords: Indochina; Algeria; «Revolutionary warfare»; Roger Trinquer; David Galula.

Армии европейских держав являются предметом пристального интереса не только среди профессиональных историков. Их усилия по поддержанию порядка на окраинах империй и в метрополиях многими рассматриваются в качестве эталонного образца и/или прообраза применения вооруженных сил в борьбе с инсургентами – идет ли речь о национально-освободительных движениях, действиях повстанцев в странах «третьего мира» в годы холодной войны или о глобальном военном присутствии современных держав. Такая роль, характерная для вооруженных сил колониальных империй в эпоху их расцвета и упадка в XIX–XX вв. свидетельствует о необходимости нового понимания не только истории европейских держав в эпоху Нового и Новейшего времени, но и их наследия в практической плоскости – переосмысления их опыта по удержанию и контролю периферии при помощи армии. Речь идет об опреде-

ленной преемственности при переходе от эпохи глобальных колониальных империй к доминированию ядерных супердержав, о чем свидетельствуют попытки США применить британские и французские практики в области колониального антиповстанчества в Юго-Восточной Азии в 1960-е гг. и на Ближнем и Среднем Востоке в начале XXI в. [1; 2].

Генеалогия такого неоколониального подхода к антиповстанческим операциям является не только гипотетической. В этом смысле своеобразный ренессанс колониальной этнографии и антропологии, призванный решить актуальные военно-политические задачи современных держав в странах «третьего мира», рассматривается некоторыми гуманитариями как «культурный разворот» в сторону «наемнической антропологии», а «этнографическое знание становится полем военной стратегии» [3, р. 16–17; 4, р. 98]. Речь идет, по сути, об институционализации структур и

глобализации мышления в данной области – от провинциальных ведомств с уникальными и местными по характеру задачами к министерствам и спецслужбам с их универсальным и глобальным пониманием проблем обеспечения национальной безопасности.

Говоря, в этой связи, о теории и практике французского антиповстанчества XX в., особое внимание следует обратить на двух известных его представителей – Давида Галулу и Роже Тринкье. По мнению Грегора Матиаса, среди прочих военных интеллектуалов Д. Галула и Р. Тринкье особенно выделяются своим стратегическим видением борьбы с повстанцами. Кроме того, они применили в своих трудах доступные (универсальные) формулировки тактического и стратегического характера, которые были использованы на полях сражений с относительным успехом (хотя это утверждение Матиаса является спорным) [5, р. 97].

При этом особенно сильное влияние на современные методы и приемы контрпартизанской борьбы оказал Д. Галула. Его военная биография началась в 1940 г., с момента окончания военной школы в Сен-Сире. Во время Второй мировой войны в Тунисе он присоединился к силам «Свободной Франции». После 1945 г. служил военным атташе в Пекине, Гонконге и работал наблюдателем от ООН. Тем не менее войну в Индокитае (1946–1954 гг.) он пропустил, изучал её только теоретически. В 1956 г. Д. Галула добровольно отправился в Алжир, где возглавил третью роту 45-го колониального пехотного полка. Там ему пришлось столкнуться с непониманием его взглядов по многим проблемам. К тому же, в отличие от Р. Тринкье, он не имел прямого доступа к вышестоящим командирам, которые могли способствовать реализации его планов и идей [1, с. 164; 6, р. 38–39]. Д. Галула является автором фундаментальных трудов по антиповстанчеству: «Умиротворение в Алжире, 1956–1958 гг.» [7] и «Борьба с повстанцами: теория и практика» [8].

Первая работа была создана в 1963 г. (переиздана в 2006 г.) для корпорации РЭНД (предоставляет аналитические доклады по заказу Пентагона по проблемам широкого спектра, среди которых в 1960-е гг. особенно выделялась проблема антиповстанчества) [1, с. 17, 156] по заказу Агентства перспективных исследований при Министерстве обороны США. Автор реконструировал свой антиповстанческий опыт, полученный с 1956 по 1958 гг. в Кабилии [1, с. 9, 170; 7, р. xvii]. Это историко-географический регион, расположенный на севере Алжира, включает часть Атласской горной системы, выходит к Средиземному морю и охватывает на сегодня несколько вилайетов (провинций). Регион неофициально подразделяется на две части – Большую Кабилию с главным городом Тизи-Узу и Малую Кабилию с главным городом Беджая [9, с. 277, 280; 10, с. 255]. Д. Галула дает свою характеристику региону: «Рельеф, растительность и население разительно отличают её [Кабилею] от остальной части Алжира и создают идеальную почву для партизанской войны» [7, р. 26]. Обстановка в Кабилии на момент 1955 г. состояла в полном вакууме власти. Как пишет Д. Галула, французская администрация, жандармы, полиция и армия потеряли все контакты с кабилами (местным населением региона) и оказались в полной изоляции. Покидать город Тизи-Узу без конвоя было небезопасно.

Как вспоминает автор, весной 1956 г. в регион прибыло достаточное количество войск. Кабилия была выбрана в качестве испытательного полигона по ликвидации бастии повстанцев, расположенного недалеко от города Алжир [7, р. 30, 32].

В книге Д. Галула выделяет четыре этапа Алжирской войны: 1) ноябрь 1954 г. – апрель 1956 г. – развитее мятежа от нуля до приближения к победе Фронта национального освобождения Алжира (ФНО); 2) май 1956 г. – май 1958 г. – возрастание усилий против повстанцев, падение надежды на победу у ФНО; 3) май 1958 г. – январь 1960 г. – инициатива переходит к французской стороне; 4) январь 1960 г. – февраль 1962 г. – установление военного успеха Франции при ухудшении политической обстановки, ускорившемся в июне 1961 г. с началом переговоров с ФНО, что в итоге приводит повстанцев к победе. Автор подчеркивает, что его работа посвящена второму периоду [7, р. 1].

Также Д. Галула выделяет пять факторов, оказавших влияние на войну в Алжире. Первое: политическая нестабильность во Франции и отсутствие целенаправленного политического курса менявшихся правительств. Второе: военно-техническая оснащенность и численный перевес французских войск перед повстанцами. Третье: психологическое превосходство ФНО. Как признается Д. Галула, для Франции война была колониальной, а для повстанцев война была за независимость. Четвертое: определенный консерватизм во французской армии, тормозивший инновации. Часть офицеров осознавала новизну конфликта, но потребовалось много времени на корректировку тактики. Пятое: у повстанцев было плохое руководство на всех уровнях [7, р. 243–245].

В академической среде бытует мнение, что Д. Галулу не стоит причислять к сторонникам теории «революционной войны» (ТРВ) [11; 12, р. 54–55; 13]. Поскольку он критиковал «психологическую войну», а это является основой ТРВ. Действительно, в первой работе 1963 г. про Алжир Д. Галула подвергает критике сторонников «психологической войны», не упоминая в тех фрагментах термин «революционная война». В книге он утверждает, что у Франции не существовало единой и официальной доктрины борьбы с повстанцами. Вместо этого существовали различные направления. Д. Галула выделяет два крайне разных подхода, называя их полюсами [7, р. 64].

Первое из них он именует «войнами». Его придерживаются офицеры, которые, по его мнению, ничему не научились. Они не соглашались с идеей о том, что истинная цель конфликта – контроль над населением, а делали ставку на масштабные военные действия. Автор приводит пример, как в одном из секторов Кабилии до 1959 г. проводилась военная политика в виде развертывания большого числа войск, не меньше роты. Размещались войска на вершине горных хребтов, не имея контроля над населением. В итоге повстанцы, наоборот, набирали силу в этом секторе. Причина такого мышления, как полагает автор, – принятая система наград и повышений. Медалями награждали за бои, а военачальники, успешно выполнявшие поддержку порядка в своем секторе, не могли рассчитывать за это на награду. Д. Галула с сожалением пишет, что эффективность офицера оценивается на основе общего количества потерь повстанцев,

нежели исходя из уровня поддержки местного населения [7, р. 64–65].

Ко второму полюсу он причисляет «психологов», подразумевая офицеров, прошедших вьетнамский плен. Для них «психологическая война» была панацеей от всех проблем. По его мнению, она могла служить лишь дополнением к другим типам операций. Как указывает автор, эти офицеры считали, что населением можно манипулировать, используя коммунистические методы. Д. Галула пишет: «Им удалось захватить профессиональные журналы французской армии, в которых они месяц за месяцем публиковали свои мысли и создавали впечатление, что их доктрина действительно является официальной» [7, р. 65]. Концепция этих офицеров, убеждает автор, полностью провалилась при испытании в полевых условиях Алжира, послужив даже поводом для шуток в солдатской среде. С другой стороны, Д. Галула считал, что провал концепции повлек за собой отказ и от вполне обоснованных пунктов этого направления [7, р. 65–66].

Таким образом, очевидно, что Д. Галула подвергал острой критике своих коллег, придерживающихся концепции «психологической войны», которые фактически были сторонниками ТРВ. Более того, по собственному его признанию, он не любил термин «революционная война», полагая, что его использование ставит французскую армию в роль контрреволюционера. Однако в этой же книге есть утверждение Д. Галулы о том, что война в Алжире соответствовала критериям ТРВ и французская армия в этой североафриканской стране следовала основным законам контрпартизанской борьбы [7, р. 246, 258]. Кроме того, если в первом труде (1963 г.) термин «революционная война» встречается крайне редко, то во втором труде (1964 г.) он становится основополагающим понятием. Из этого следует, что Д. Галула не отрицал ТРВ, но имел свое представление о теории, отличающееся от взглядов его французских коллег.

Вторая книга Д. Галулы «Борьба с повстанцами: теория и практика» была опубликована в 1964 г. (переиздана в 2006 г.) [8]. Если первая работа посвящена войне в Алжире и изложена в виде воспоминаний автора, то вторая работа по проблеме и структуре имеет универсальный характер, представляя собой трактат по контрповстанческим операциям. Как пишет Д. Галула в этом труде, только повстанец может инициировать конфликт, но это не означает, что он первый применит силу. Стратегическая инициатива принадлежит ему по определению. Главной особенностью «революционной войны», по мнению автора, является битва за население. Если повстанцы смогут отделить население от армии противника, а затем обеспечить процесс физического контроля этого населения, то это приведет их к победе. В контрповстанческой войне, по представлению Д. Галулы, победа не заключается в уничтожении повстанческих сил в определенном районе. Она основывается на постоянной изоляции населения от повстанцев. В этом случае население совместно с вооруженными силами поддерживает порядок [8, р. 3–4, 54].

В обычной войне, считает автор, большое значение играет география, но в «революционной войне» она имеет решающее значение. Д. Галула приводит восемь географических факторов, влияющих на повстанцев и противостоящим им вооруженным силам.

Первый – местоположение. Если страна изолирована природными преградами (моря, пустыни, горные хребты) или находится среди других стран, противостоящих повстанцам, то выигрывают официальные власти. Второй – площадь территории. Чем она больше, тем сложнее правительству её контролировать. Третий – конфигурация страны. На островных государствах повстанцам сложнее проводить свою политику. Если страна представляет собой архипелаг, то повстанческое движение не может легко распространяться. Четвертый – международные границы. Возможен сценарий, при котором повстанцы используют границу с соседними государствами, поддерживающими их мятеж. Д. Галула приводит ряд стран, в которых была подобная ситуация: Греция, Индокитай, Алжир. Пятый – местность. Когда регион труднопроходимый (горы, болота, джунгли), этот фактор дает большое преимущество повстанцам. Шестой – климат. Суровые погодные условия являются преимуществом для вооруженных сил и испытанием для повстанцев. Д. Галула приводит в примеры сезон дождей в Индокитае, мешавший Вьетминю, а также зиму в Алжире, остановившую деятельность ФНО. Поддержание состояния военно-технической оснащённости партизан в полевых условиях – большая проблема для них самих. Седьмой – население. Как указывает автор, чем больше численность населения, тем сложнее становится контролировать его правительственной армии. Восьмой – экономика. Высоко развитая страна более уязвима перед террором в отличие от слаборазвитой, однако в последней вероятность развития партизанской войны намного выше [8, р. 23–24].

Одно из ключевых отличий Д. Галулы от французских коллег относительно ТРВ – убежденность в необходимости преобладания политической власти над военной. Для него вооруженные силы – инструмент борьбы с повстанцами. Военные действия сфокусированы прежде всего для достижения политических целей. Как уверяет Д. Галула, «революционная война» состоит из 20% военных действий и 80% политических действий. Он утверждает, что предоставление власти армейскому лицу над гражданским носит противоречивый характер для данного типа войны. Вместе с тем, передача управления военным окажет помощь пропаганде повстанцев, поскольку будет интерпретирована как неспособность правительства добиться поставленных целей с помощью гражданских структур. Д. Галула приходит к выводу, что административное управление на всех уровнях должно оставаться в руках гражданских властей. Если существует кадровый дефицит, то восполнить его из военных возможно, но только в качестве работы гражданского лица. Подобные заявления о роли армии встретить у других офицеров – теоретиков «революционной войны» невозможно [8, р. 62–63].

Анализ военного пути и наследия Р. Тринкье также следует начать с того, что в 1933 г. он окончил военную школу Сен-Мексана в звании второго лейтенанта. Но в отличие от многих высокопоставленных французских офицеров, Р. Тринкье не имел элитного военного образования, которое принято было получать в военной школе в Сен-Сире. Однако это стало его преимуществом, поскольку помогло более критически смотреть на недостатки французской армии

и быть готовым к идеям инновации. Осуществлял командование в Индокитае (1946–1954 гг.) и Алжире (1954–1962 гг.). В Индокитае он прослужил большую часть своей карьеры с 1930-е по 1950-е гг., где и получил столь ценный опыт [6, р. 35–37]. Тоже, как и Д. Галула, добровольно оправился в Алжир в 1956 г. Один из главных организаторов политического кризиса 1958 г. [6, р. 40, 42]. Автор ведущей работы по ТРВ «Современная война: французский взгляд на борьбу с повстанцами» [13]. Впервые книга вышла в свет в 1961 г. на французском языке под оригинальным названием «Современная война». Впоследствии в 1964 г. выходит англоязычная версия с добавлением к прежнему названию книги новой фразы: «французский взгляд на борьбу с повстанцами». В 2006 г. военный трактат Р. Тринкье был переиздан [13, р. iv].

В работе он констатирует, что после окончания Второй мировой войны родилась новая форма ведения боевых действий, получившая название «подрывная война» или «революционная война». По убеждению Р. Тринкье, новый вид конфликта фундаментально отличался от войн прошлого. Столкновение армий на поле боя теперь не приводило одну из сторон к победе. Главным условием для победы в современной войне являлась поддержка населения [13, р. 5–6]. Как пишет Р. Тринкье, повстанцы не могут находиться среди населения, которые они заранее не подчинили, поскольку благодаря им повстанцы получают необходимые ресурсы: продовольствие, боеприпасы, информацию. В то же самое время это – слабость повстанцев, заключающаяся в прямой зависимости от населения. Ведение современной войны, подчеркивает офицер, обязывает сотрудничать с местным населением. Практика показывает, что его поддержка основывается, как правило, не только на благосклонности, но и на безразличии [13, р. 53, 84]. Р. Тринкье так же, как и Д. Галула, не верил в эффективность пропаганды. По его представлению, в период активных операций роль пропагандистских действий будет нежизнеспособной. При этом использование пропаганды в целом он не отрицал, считая, что она понадобится во время налаживания мирной жизни населения [13, р. 41]. Р. Тринкье утверждал, что Франция проиграла войну в Индокитае и Алжире, так как не решилась принять нужные меры или приняла их с большим опозданием. По его мнению, армия должна быть настроена на применение всех ресурсов в условиях современной войны [13, р. 89].

Как упоминалось ранее, часть исследователей относят работы Д. Галулы к ТРВ с сомнением. По мнению Этьена де Дюрана, в 1950-е и 1960-е гг. Д. Галула был неизвестен в армейских кругах Франции (в отличие от Р. Тринкье) и не мог оказывать влияния на размышления о контрпартизанской борьбе. Парадокс ситуации состоит еще в том, что французы открыли его для себя благодаря американским коллегам. Однако его рекомендации имели общее сходство со взглядами Р. Тринкье. Отличие подхода Д. Галулы от взглядов остальных офицеров на ТРВ заключалось в том, что, по его мнению, к требованиям местного населения нужно было подходить ответственно. Местные жители должны объединиться вокруг политического проекта, предложенного французской администрацией. Представители ТРВ стремились к полному контролю местного населения, помочь в этом долж-

ны были пропаганда и «психологическая война». Взгляды Д. Галулы представляли собой синтез «британского пути» антиповстанчества (пресловутая концепция «завоевания сердец и умов») и французской школы или теории «революционной войны». Он разделял мнение, что физический контроль необходим, при этом для него было важным сотрудничество с местными населением [4; 14, р. 16].

Как считает Джереми Рубинштейн, более мягкая позиция Д. Галулы в отношении контроля местного населения объясняется прежде всего тем, что свои работы он написал в США, где проблемы манипуляций общественного мнения изучались задолго до его трудов. Стоит подчеркнуть, что позиция США после Второй мировой войны выражалась в отрицательном отношении к политике колониализма европейских держав. Следовательно, Д. Галула не мог позволить более резкие суждения, нежели его французские коллеги Р. Тринкье и Ш. Лашеруа [14, р. 111; 15, с. 6–8].

В отличие от Р. Тринкье, сильного влияния на ход войны в Алжире Д. Галула не оказал. Несколько высокопоставленных офицеров, руководивших боевыми действиями в Алжире, вспоминали, что Р. Тринкье сыграл важную роль в конфликте. Однако влияние Р. Тринкье на антиповстанчество в Британии и США несопоставимо мало с влиянием Д. Галулы. Причина такого положения дел – поражение Франции в Алжире (1962 г.), которое наложило свой отпечаток и на отношение к ТРВ. К тому же, Р. Тринкье не скрывал использование жестких мер. Не стоит забывать о том, что он занимал не последнее место в иерархии французской армии во время войны в Алжире в тот момент, когда вооруженными силами совершались военные преступления в виде применения пыток и внесудебных казней, освещавшиеся в прессе, что не могло не бросить тень на репутацию Р. Тринкье. В этом контексте Д. Галуле повезло больше, поскольку, как упоминалось ранее, он не сыграл важной роли в Алжире, а значит, негативные стороны конфликта его практически не затронули [6, р. 57–59].

Объединяющим моментом для двух этих офицеров является то, что их работы вышли после отказа от ТРВ во Франции – в первой половине 1960-х гг. Появление их трудов в это время было попыткой сохранить свои военные размышления от полного забвения – если не для Франции, то для остального мира [6, р. 65]. В начале XXI в. труды Д. Галулы и Р. Тринкье были переизданы в США (в 2006 г., одновременно с выходом нового полевого устава армии США по организации контрпартизанской борьбы – «FM 3–24») [7; 13]. Причиной тому стала наступившая эпоха «войны с террором», которая потребовала от американских властей прибегнуть к колониальному опыту европейских держав или, во всяком случае, убедить широкую аудиторию в наличии у властей действенного рецепта подавления повстанческой активности в Ираке и Афганистане. Именно идеи Д. Галулы стали основой для формирования американской доктрины антиповстанчества. Яркий пример – появление в 2006 г. нового полевого устава армии США «FM 3–24», использовавшегося в военных кампаниях в Ираке и Афганистане и отсылавшего читателей к этому французскому теоретику контрпартизанской борьбы [2, с. 32, 67–68, 83, 105].

Список литературы:
1. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Т. I. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «холодной войны» / авт. кол.: С.Г. Малкин, С.О. Буранок, Я.А. Левин, Д.А. Нестеров. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2019. 234 с.
2. Колониальное знание в постколониальную эпоху: историческое моделирование асимметричных конфликтов. Т. II. Историческое моделирование асимметричных конфликтов в эпоху «войны с террором» / авт. кол.: С.Г. Малкин, С.О. Буранок, Я.А. Левин, Д.А. Нестеров. Самара: Изд-во СамНЦ РАН, 2020. 231 с.
3. Gonzalez R.J. Towards mercenary anthropology? The new US Army counterinsurgency manual FM 3–24 and the military-anthropology complex // Anthropology Today. 2007. Vol. 23, iss. 3. P. 14–19. DOI: 10.1111/j.1467-8322.2007.00511.x.
4. Stoler A.L., Bond D. Refractions off empire: untimely comparisons in harsh times // Radical History Review. 2006. Vol. 2006, iss. 95. P. 93–107. DOI: 10.1215/01636545-2006-95-93.
5. Mathias G. Galula in Algeria: counterinsurgency practice versus theory. Santa Barbara: Praeger, 2011. 168 p.
6. The theory and practice of irregular warfare: warrior-scholarship in counter-insurgency / ed. by A. Mumford, B. Reis. London: Routledge, 2013. 176 p. DOI: 10.4324/9780203766019.
7. Galula D. Pacification in Algeria, 1956–1958. Santa Monica: RAND Corporation, 2006. 324 p.
8. Galula D. Counterinsurgency warfare: theory and practice. Westport: Praeger Security International, 2006. 143 p.
9. Ключников М.И. Электоральный ландшафт Алжирской Народной Демократической Республики в контексте президентских выборов 2019 года // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: мат-лы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Пятые Максаковские чтения» / под общ. ред. Д.В. Зайца. М.: ПТ-Принт, 2020. С. 274–282.
10. Фурсова Е.Н. Берберский вопрос и проблема самоидентификации коренного населения Северной Африки на примере современного алжирского общества // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10, вып. 2. С. 254–268. DOI: 10.21638/11701/spbu13.2018.209.
11. Reflections on the French school of counter rebellion [Internet] // Small Wars Journal. <https://smallwarsjournal.com/jml/art/reflections-on-the-french-school-of-counter-rebellion>.
12. Understanding counterinsurgency: doctrine, operations and challenges / ed. by T. Rid, T.A. Keaney. London: Routledge, 2010. 280 p. DOI: 10.4324/9780203852378.
13. Trinquier R. Modern warfare: a French view of counterinsurgency. Westport: Praeger, 2006. 94 p.
14. Rubenstein J. Terreur et seduction: Une histoire de la doctrine de la «guerre revolutionnaire». Paris: La Decouverte, 2022. 336 p.
15. Фурсов К.А. Деколонизация афро-азиатского мира: предпосылки, этапы, модели // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2015. № 2. С. 5–19.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-78-20029).

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Малкин Станислав Геннадьевич , доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории, права и методики обучения; Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: s.g.malkin@mail.ru. Лёзин Александр Иванович , независимый исследователь; (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: lezin1995@gmail.com.	Malkin Stanislav Gennadievich , doctor of historical sciences, associate professor, head of World History, Law and Methods of Teaching Department; Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation). E-mail: s.g.malkin@mail.ru. Lezin Alexander Ivanovich , independent researcher; (Samara, Russian Federation). E-mail: lezin1995@gmail.com.

Для цитирования:
Малкин С.Г., Лёзин А.И. Теория «революционной войны» и идейное наследие Д. Галулы и Р. Тринкье // Самарский научный вестник. 2024. Т. 13, № 4. С. 92–96. DOI: 10.55355/snv2024134209.